

Баркова Ольга Николаевна

кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры правовых дисциплин Высшей школы (факультета) государственного аудита МГУ имени М.В. Ломоносова.

Телефон: 8 (966) 140 91 96

E-mail: olgabarkova@list.ru

Коммуникативное пространство русского зарубежья 1917 - 1939 гг.: женская литературная журналистика в эмиграции. К вопросу сохранения национального менталитета

В центре внимания доклада – роль женщин русского зарубежья 1917-1939 гг. – В.А. Александровой, Н.Н. Берберовой, З.Н. Гиппиус, О.Л. Дьяковой, А.В. Тырковой - Вильямс, Н.А. Тэффи, М.И. Цветаевой и др. в складывании коммуникативного пространства и сохранении национальных и культурных традиций литературной журналистики в эмиграции.

Ключевые слова: журналистская и литературная деятельность женщин русского зарубежья 1917 - 1939 гг., печатное слово в эмиграции

Communicative Space of the Russian Diaspora in 1917-1939: Female Literary Journalism in Emigration. To the Issue of Conservation of the National Mentality

The report focuses on the role of women of the Russian diaspora in 1917-1939 - V.A. Aleksandrova, N.N. Berberova, Z.N. Gippius, O.L. Dyakova, A.V. Tyrkova-Williams, N.A. Teffi, M.I. Cvetaeva and others in the process of formation of communicative space and conservation of the national and cultural traditions of literary journalism in emigration.

Keywords: journalistic and literary activities of women of the Russian Diaspora in 1917-1939, print media in exile

Формирование коммуникативного пространства русского зарубежья 1917 - 1939 гг. являлось важным фактором сохранения национальной культуры и родного языка, средством общения, инструментом политической борьбы и определенной формой предпринимательской деятельности в изгнании. Значимость печатного слова на русском языке в эмиграции была огромна: никакие иные средства коммуникации не могли соперничать с ним, прошедшим

самоцензуру и принципиальные моральные обязательства перед страной проживания беженцев из России, в возможности влияния на общественно-политическую жизнь российской эмигрантской колонии 1917 - 1939 гг. «Русское Зарубежье должно было заботиться об объединении своих разбросанных по свету граждан, сохранении и развитии их самосознания. Печатное слово – газеты, журналы, книги – были самым действенным средством достижения этих целей», - писал М. Раев [1]. Сохранение родного языка, как средства коммуникативного общения отвечало ментальным представлениям эмигрантов об их праве говорить и думать, читать и писать, слышать и быть правильно понятыми в инокультурном окружении. Так называемые «диаспоры катаклизма», возникшие в результате масштабных общественных и политических потрясений, начавшихся в России в 1917 г., были более компактны, внутренне едины и наиболее тесно связаны с родиной и ее идеальным образом. Это составляло основу национального менталитета русского зарубежья 1917 - 1939 гг. И роль печатного слова сказанного на русском языке была здесь определяющей.

Наибольшее распространение в эмиграции получили ежедневные газеты и литературные, общественно-политические еженедельники и журналы, многие из которых выходили нерегулярно. С 1919 по 1952 гг. за рубежом издавалось 1571 периодическое издание [2]. 90 % эмигрантских русскоязычных изданий печатались на родном языке [3].

Условия и особенности функционирования русской журналистики в изгнании, интересы и менталитет интеллигентной и образованной части эмигрантского сообщества, испытывавшей настоятельную потребность в чтении не только прессы, но и литературных произведений на родном языке, привели к возникновению большого числа «толстых журналов» и, преобладанию этого типа издания по сравнению, например, с газетой. Несмотря на значительные экономические трудности, достаточно большое количество различных эмигрантских изданий, выходивших на русском языке, распространялись по довольно низким ценам. Более того, период с 1917 по 1939 гг. - это время необычайного роста и развития печатного слова и литературной журналистики в эмиграции. Перечень эмигрантских изданий (до 1930-х гг.) насчитывал 178 журналов, 36 вестников, 28 бюллетеней, 16 альманахов, 13 ежегодников и др.[4] Так, только во Франции динамика издания русских журналов была такова: в 1920 г. – 1 журнал, в 1922 г. – 29, в 1926 г. – 34, в 1928 - 52 [5]. При этом, по мнению Г.П. Струве, они «вырастали как грибы, но и жизнь у них была грибная, короткая»[6].

Случилось так, что именно журнал в эмиграции стал своеобразным духовным «прибежищем» для российской интеллигенции. Типология журналов русского зарубежья, отражавшая интересы читательской аудитории, достаточно показательна: до 1930-х гг.

литературные (64 названий), общественно-политические (48 названий), издания по вопросам культуры (28 названий) преобладали над религиозными (21 название) и историческими (15 названий) изданиями [7]. При этом особенности функционирования русской журналистики в изгнании, сфера интересов и потребностей её национальной аудитории отчетливо формировали содержательную направленность эмигрантской периодики. По мнению исследователя П.Н. Базанова, классификация российской эмигрантской прессы по принципу её возможной идейно-политической ориентации довольно сложна, поскольку помимо партийных изданий, четко заявлявших о своей принадлежности, существовало и множество изданий, формально независимых, но выражавших совершенно определенные установки. [8] Примером этому может служить один из наиболее влиятельных журналов русского зарубежья - «Современные записки», издававшийся в Париже с 1920 по 1940 гг. Всего в свет вышло семьдесят номеров этого журнала, а объем некоторых из них доходил до 500-600 страниц. Принято считать, что содержание этого журнала было наиболее характерно для русского «толстого журнала» конца XIX в. и отвечало его национальному менталитету. Тираж «Современных записок», составлявший 2000 экземпляров, распространялся и читался в эмигрантской среде в 1917 - 1939 гг. весьма активно. «Хотя журнал и имел антибольшевистскую направленность, тон его был далек от истерии, он давал взвешенную информацию о событиях в Советской России», - отмечал М.И. Раев [9].

Среди авторов, печатавшихся в разделе публицистики этого журнала, была Е.Д. Кускова [10]; в разделе поэзии – М.И. Цветаева [11] и З.Н. Гиппиус [12], писавшая и как литературный критик под псевдонимом Антон Крайний. В одном из первых номеров были опубликованы «Сказки» Софьи Федорченко [13].

Для литературно-художественного отдела другого традиционного журнала русского зарубежья - «Русская мысль», выходившего в Софии и Праге в 1921-1923 - е гг., писали М. Цветаева и З. Гиппиус. По замыслу редакции во главе с П.Б. Струве, журнал пытался сплотить вокруг себя все здоровые и духовные силы русской эмиграции, искренне преданные идеалам национального возрождения России. Именно в этом журнале был опубликован «Дневник 1919 года» эмигрантки Зинаиды Гиппиус.

В журнале «Жар-птица», который по свидетельству современников «приобрел в Берлине огромное влияние не только в русских, но и в немецких профессиональных кругах» [14], достаточно часто публиковалась Н.А. Тэффи [15], не писавшая активно для других «толстых эмигрантских журналов». Издание продолжало в эмиграции лучшие традиции русской журналистики, заложенные еще «Миром искусства» (Петербург, 1899-1904) и «Апполоном» (Петербург, 1909-1918). «Лучшие немецкие типографии учились у него, как

надо печатать художественные издания, а лучшие немецкие издательства учились у него, как надо оформлять и издавать книги» [16].

В журнале «Социалистический вестник» (1921-1965), издававшемся в Берлине, Париже и Нью-Йорке, серию интересных статей о состоянии советской литературы опубликовала журналистка-эмигрантка Вера Александрова [17]. Этот журнал, обладавший широким кругом информаторов, достаточно долгое время оставался практически единственным источником новостей о реальном положении дел в большевистской России для эмигрантов [18]. Он считался наиболее ярко выраженным партийным журналом и долгое время занимал особое положение среди изданий русского зарубежья. Так, на его страницах первыми были опубликованы ряд важнейших материалов о политическом кризисе в РКП (б): среди которых были и ленинские диктовки конца 1922 – начала 1923 гг.

В ежегоднике «Версты» (Париж, 1926-1928) была опубликована трагедия «Тезей» Марины Цветаевой, которая вместе с Зинаидой Гиппиус в 1930-е гг. сотрудничала с отделом критики и философской публицистики журнала «Числа» (1930-1934), задуманного его редактором Н.А. Оцупом, как литературный сборник.

Издание газет, журналов и книг на родном языке было особенно актуально для русской эмиграции «первой послереволюционной волны», создающей своё коммуникативное пространство в изгнании. Одним из важнейших центров этой активности в начале 1920-х гг. стала Германия. Только в Берлине в 1922 г. насчитывалось 48 русских издательств, выпускавших порядка 145 наименований различных газет, журналов, альманахов и т.п. [19] В начале 1922 г. здесь выходило в три раза больше русских газет и журналов, чем в Париже [20]. В целом в Германии, по данным «Союза русских издателей», работали уже 87 русских издательств, в то время как в Европе на 1924 г. их было 130 [21]. Показательно и то, что выпуск эмигрантской литературы на русском языке значительно превосходил в Германии издание книг на немецком [22], что является важным показателем сохранения национально - культурной идентичности русской колонии в этой стране.

Подобный расцвет издательского дела в Германии в 1920-1923 гг. был обусловлен благоприятной экономической ситуацией, делавшей издательскую деятельность высокодоходным и прибыльным бизнесом. В редакционной статье «Германия, как центр возрождения русского книгоиздательства», опубликованной в журнале «Русская книга» в 1921 г., подчеркивалось: «Последнее время в области русского книгоиздательства в Германии проявляется кипучая жизнь. Этому подъему способствует: традиционно высокая техническая постановка печатного дела в Германии; привычка немцев работать для России; знание ими России... наличие в Германии значительной русской интеллигенции и даже русских капиталов; близость России и возможность вступить в контакт с советскими

представителями, и особенно дешевизна издания, благоприятное соотношение валютного курса в пользу германского экспорта, и т.д., и т.д.» [23]. На эти составляющие успеха особо обращал внимание И.В. Гессен, писавший, что некоторые богатые русские эмигранты в Германии, «не находя приложения вывезенным капиталам, сами возбуждали в качестве одного из предложений вопрос об основании за границей русских издательств» [24]. По свидетельству газеты «Руль», из русских беженцев, к январю 1921 г. оказавшихся в Берлине, третью часть составляли лица, не нуждающиеся в русских комитетах, и способные даже поощрять искусство [25].

Характерной и отличительной особенностью «Русского Берлина» этого времени была беспрецедентная активность так называемого «диалога двух культур» – представителей эмиграции и Советской России. Как известно, в начале 1920-х гг. в Берлине находились А. Белый, Н.А. Тэффи, Ф.В. Ходасевич, М.И. Цветаева, И.Г. Эренбург, Б.Л. Пастернак, П.П. Муратов, И.С. Шмелев, А.Н. Толстой, Н.А. Бердяев, М.А. Осоргин и др. и некоторые из представителей молодой русской литературы – Б.А. Пильняк, И. Кусиков, приезжали С. Есенин и В. Маяковский [26]. Все это создавало некую особую атмосферу насыщенной и активной культурной жизни «Русского Берлина», помогало развитию эмигрантской литературной журналистики и сохранению национальной идентичности.

В числе крупнейших русских эмигрантских издательств в Германии были: «Геликон», «Знание» С.Я. Шклявера и В.Б. Станкевича, «Медный всадник», «Петрополис», «Слово» И.В. Гессена и А.И. Каминки (сотрудничавшего с немецкой фирмой «Улльштейн и Ко»), издательства З.И. Гржебина, С.Я. Эфрона, И.П. Ладыжникова, а также «Эпоха», «Скифы» Е.Г. Лундберга, «Мысль», «Беседа» и др., которые широко публиковали произведения не только писателей и поэтов российского зарубежья, но и советских авторов. Видное место среди русских издательских фирм, получивших широкую известность и признание в Германии, занимало издательство эмигрантки Ольги Леонидовны Дьяковой – жены городского головы г. Киева в 1906 - 1916 гг., действительного статского советника, И.Н. Дьякова. В 1919 г. она вместе с мужем эмигрировала из Одессы в Германию, где в 1920 г. ими было учреждено «Издательство Ольги Дьяковой и Ко», которое специализировалось на выпуске русского отрывного календаря, пользовавшегося большим спросом среди русских эмигрантов, открыток из серии «Русская жизнь» отличавшихся высоким качеством печати, и переиздании популярных в России дореволюционных книг. При издательстве был открыт книжный магазин и библиотека.[27]

Широкая издательская деятельность русских эмигрантов в Германии является ярким свидетельством того факта, что российское зарубежье 1917 - 1939 гг. придавало большое значение вопросам сохранения национально - культурной идентичности в изгнании, бережно

читив российские традиции. Литературный критик, прозаик и эмигрант Р. Гуль подчеркивал, что «даже Париж, ставший центром политических сил русской эмиграции, не мог позволить себе иметь подобных громадных издательств» [28].

Наиболее популярными изданиями русской эмиграции в Германии были газета «Руль» (1920-1931, тираж 20 000 экземпляров), журнал «Жар-птица» (1921-1923, 1925-1926), газета «Жизнь» (1920), журнал «Театр и жизнь» (1921-1923), сборник «На чужой стороне» (1923-1925), газета «Накануне» (1922-1924) – единственное эмигрантское издание, разрешённое к ввозу в Советскую Россию. Все эти газеты и журналы имели различную политическую ориентацию и, соответственно, свою читательскую аудиторию. По меткому замечанию того же Р. Гуля, «русская политическая периодика в эмиграции шла от монархистов справа до анархистов налево, через эсеров, эсдеков, энесов, кадетов, сменовеховцев и др. А журналы по искусству – от «мирискусников» «Жар-птицы» до конструктивистов «Вещи»» [29].

Издание классических произведений русской литературы XIX - начала XX вв. в условиях эмиграции не было ограничено только идеей сохранения традиций национально-культурной идентичности. Оно приобретало и иной, особый смысл. Достаточно сложный процесс социальной и лингвистической адаптации беженцев из России невольно заставлял их искать своеобразную духовную защиту в чтении именно классических литературных произведений на русском языке. А.С Яценко на страницах журнала «Русские книги» так характеризовал читательские настроения российской эмиграции «первой послереволюционной волны»: «Когда все вокруг неуютно, когда впереди непроглядно темно, тогда особенно хочется забыться в фантастическом мире фей, добрых духов, прекрасных царевен и мужественных Иванов Царевичей, среди волшебных садов с журчащими фонтанами, на роскошных пирах, где вино и мед не только текут по усам... Кто из беженцев с удовольствием не раскрывал купленную для сына книжку сказок и не зачитывался ею и не забывал свою горькую, бездомную, сиротливую жизнь беженца».[30] Таким образом, к произведениям русской классики неожиданно стали обращаться и те эмигранты, для которых чтение не являлось привычным занятием. Это были не совсем хорошо образованные люди - выходцы из менее обеспеченных социальных слоев российских беженцев, представители «неинтеллигентных профессий» и др. Поразительно, но в библиографическом справочнике за 1924 г. содержатся данные об издании в эмиграции 711 наименований произведений русской классики [31]. Только одно из издательств «Русского Берлина» - издательство И.П. Ладыжникова [32] выпустило около 260 наименований произведений русской классики. Среди них в тематике «русская библиотека» было опубликовано 71 издание, в тематике «русские классики и современные писатели» - 172 [33],

что свидетельствует о сохранении национальной идентичности в эмиграции. Фактически в сложных условиях эмигрантской повседневности 1917-1939 гг. создавалась так называемая «библиотека русской книги». Это, во-первых.

Во-вторых, не менее значимой в эмиграции выступала и важная «коммуникативная» функция российской журналистики. Книги на русском языке, изданные в Германии, рассылались в самые разные части света, где находили себе приют беженцы из России [34]. Газета «Руль» имела своих постоянных подписчиков более чем в двадцати пяти странах мира [35], а рассылалась в 396 городов 34-х стран. К этой газете, выпускалось интересное иллюстрированное приложение «Наш мир» [36]. Возможность чтения прессы и литературы на родном языке составляло основу национального менталитета эмигрантов.

Энтузиасты из политически активных женщин русского зарубежья 1917 - 1939 гг. пытались даже организовать пересылку эмигрантской литературы, в которой освещалась жизнь русской колонии, в Россию. Таким образом они пытались установить своеобразные коммуникативные контакты с покинутой родиной. В первой половине 1920-х гг. это было еще возможно [37]. Эмигранты ещё не были в полном смысле слова отделены от Советской России. Так, ряд публикаций эмигрантских изданий, как правило, достаточно быстро становился достоянием советской периодики, но чаще всего, как объект критики. Более того, факт информационной оторванности представителей русской эмиграции 1917-1939 гг. от своих родных и близких в Советской России несколько преувеличен. В действительности, переписка в это время была довольно обычным явлением [38].

Своеобразие политического и коммуникативного пространства «Русского Берлина» начала 1920-х гг. привело к созданию целого ряда различных профессиональных объединений эмигрантов. 8 августа 1920 г. был образован «Союз русских журналистов и литераторов в Германии», который возглавил видный член партии кадетов, главный редактор крупнейшей эмигрантской ежедневной газеты «Руль» И.В. Гессен. Именно в Берлине 24 ноября 1922 г. прошел и знаменитый первый бал российской прессы, организованный по примеру ежегодных балов берлинской прессы [39], что является составляющей сохранения национальной идентичности в изгнании. Высокому уровню русского активного книгоиздательства в эмиграции способствовала деятельность созданного в Берлине «Общества ревнителей русской книги», ставившего своей целью «...объединение любителей русского книжного искусства и содействие последнему путем специальных изданий, выставок, докладов, конкурсов и пр.» [40]. Среди членов этого общества были историк искусства В.Н. Ракинт, совладелец издательств «Петрополиса» Я.Н. Блох (брат известной в эмиграции поэтессы Раисы Блох) и др. Тем не менее даже несмотря на высокий спрос и интерес у читающей публики, финансовый кризис, охвативший сферу издательской

деятельности в Германии к началу 1924 г., введение твердой валюты и многократное повышение цен, в том числе и на бумагу, привели к росту в 200-300 раз стоимости эмигрантских газет и журналов [41]. Как отмечал Г.П. Струве «созданные инфляцией благоприятные условия в Германии перестали существовать, и русская издательская деятельность, процветавшая в 1921-1923 годах, сразу сошла на нет» [42].

Наряду с «Русским Берлином» в 1920-1930-е гг. видными издательскими центрами российской эмиграции, где печатались газеты и журналы на русском языке, были Рига и Таллин [43]. Так, именно Ригу достаточно часто называли «Парижем для бедных» из-за большого количества эмигрантов из России проживавших там [44].

Крупнейшим не только образовательным и научным, но литературным центром русского зарубежья 1917-1939 гг. была Прага. Причинами этому послужили, во-первых, начавшаяся знаменитая «русская акция», привлекавшая интеллигенцию и студенчество, во-вторых, наличие в МИДе ЧСР целого ряда «русских чехов», и, в-третьих, традиционное чешское русофильство [45]. Эмигрантка Н. Берберова так писала о Праге: «Мы не остались в Берлине, где нам жить было нечем, мы не поехали в Италию... потому что у нас не было ни виз, ни денег, и мы не поехали в Париж... потому что боялись Парижа, боялись эмиграции, боялись безвозвратности, окончательности нашей судьбы и бесповоротного решения остаться в изгнании. И мы поехали в Прагу» [46]. Столица Чехословакии была центром, через который проходили основные миграционные потоки российских беженцев. Так, по мнению Н.Е. Андреева – город был практически заселен «старшим и средним поколениями русских литераторов-эмигрантов» [47]. Наиболее известной «литературной меккой» Праги были кружки – «Далиборка», получивший свое название по кафе, где первоначально летом 1924 г. собрались его участники и «Скит поэтов», предшественником которого был «Литературно-художественный кружок». Так, самым первым изданием «Скита» стал сборник стихов Вяч. Лебедева «Звездный крен» (1929) и сборники А. Головиной и Э. Чегринцевой [48].

Отличительной особенностью «Русской Праги» были и её тесные связи с представителями советской интеллигенцией, особенно заметные после краха «Русского Берлина» [49]. Так, семинарий (институт) имени академика Н.П. Кондакова выпускал труды советских историков. Сборники научных трудов, посвященных истории России, российской и советской экономике издавали «Экономический кабинет» профессора С.Н. Прокоповича и его жены Е.Д. Кусковой [50], Русское историческое общество в Праге, Русский народный (свободный) университет и др.[51] Считается, что деятельность пражских русских издательств внесла весомый вклад в дело сближения и установления контактов между эмигрантской и советской интеллигенцией.

К 1925 г. литературной столицей русского зарубежья, по словам Г.П. Струве, становится Париж [52]. Именно сюда из Берлина переехал ряд эмигрантских журналов и газет – «Социалистический вестник», «Революционная Россия», «Жар-птица», «Дни» и др. Так, на страницах ежедневной газеты российской эмиграции «Последние новости», выходившей в Париже с 27 апреля 1920 г. по 11 мая 1940 г. можно встретить имена З. Гиппиус (литературный отдел), Н. Тэффи, Г. Кузнецовой [53], Н. Берберовой [54], Е. Кусковой (отдел публицистики). Каждый четверг в «Последних новостях» печаталась так называемая «литературная страница», где наряду с работами И.А. Бунина, К.Д. Бальмонта, Саши Черного, М.А. Осоргина можно увидеть и статьи Н.А. Тэффи, Н.Н. Берберовой и Г.Н. Кузнецовой. Значительное место в публицистике русского зарубежья этого времени заняла дискуссия между Е.Д. Кусковой и П.Н. Милюковым о проблеме примирения эмигрантов с родиной и возможности возвращения в Россию [55], развернувшаяся на страницах «Последних новостей» в 1925-1926 гг. И хотя отношение к репатриации разделило эмигрантскую колонию, каждый эмигрант принимал такое решение для себя самостоятельно. Свидетельством чему являются материалы советских репатриационных комиссий, работавших в Болгарии, Франции и Турции. [56]

Газета «Последние новости», получавшая субсидии из разных государственных и частных источников, довольно быстро смогла стать в условиях эмиграции довольно финансово независимым изданием. Так, в 1924-1940-е гг. членом ее правления был крупный текстильный фабрикант А.И. Коновалов (1875-1948) [57]. В начале 1930-х гг. тираж газеты составлял уже более 30 тыс. экземпляров, доходя порой до 35 тыс. Эмигрантка Н. Берберова, проработавшая в газете пятнадцать лет, писала о том, что «Последние новости» «читали буквально все, и не только в Париже» [58]. Так, например, в условиях трудного доступа к различным законодательным документам, по большей части отсутствующих на русском языке, в рубрике газеты «Вопросы и ответы» содержались конкретные рекомендации и действенные советы по проблемам трудоустройства, адаптации и натурализации для беженцев из России. Различные нормативные документы излагались очень четко и в доступной для понимания форме. Для русского человека было совершенно естественно и привычно получать необходимую новостную информацию из прессы - это было принято в России. Эту привычку эмигранты не оставили и в изгнании, что составляло основу национального менталитета русского человека даже на чужбине.

С газетой «Последние новости» активно сотрудничала известная эмигрантка, писательница и публицист 1920 - 1930 - х гг. Надежда Тэффи, чьи материалы, опубликованные на страницах различных печатных изданий в Берлине, Париже и Риге всегда отличались особой степенью актуальности и глубоким художественным осмыслением

повседневной действительности. Первую свою работу под псевдонимом Тэффи она опубликовала в журнале «Театр и искусство» еще в 1901 г. Затем проза ее печаталась на страницах московских, петроградских и украинских газет и журналов вплоть до 1919 г., когда, покинув Россию, она уехала в эмиграцию [59]. За неполные пять лет плодотворной работы в газете «Последние новости» Тэффи написала около ста семидесяти рассказов, очерков и фельетонов [60]. Очевидно именно поэтому известный деятель русской эмиграции Г.П. Струве и называл Надежду Тэффи «газетной писательницей», одним из первых отметив ее своеобразную «привязанность» к сотрудничеству с эмигрантскими ежедневными газетами.

Считается, что Н.А. Тэффи была «любимицей всего русского зарубежья» [61]. Она работала в самых разных эмигрантских газетах – «Последние новости», «Общее дело», «Возрождение», «Руль», «Сегодня», писала для журналов «Жар-птица», «Возрождение», «Современные записки», «Звено», «Русский инвалид» и др. С большим интересом в среде российских эмигрантов были встречены ее сборники – «Восток» (Шанхай, 1920), «Тихая заводь» (Париж, 1921), «Черный ирис» (Стокгольм, 1921), «Рысь» (Берлин, 1923) и др.

Другая русская журналистка-эмигрантка А.В. Тыркова-Вильямс [62] с осени 1918 г. регулярно публиковала свои статьи в американской газете «The Christian Science Monitor», а весной 1919 г. она даже смогла выпустить свою первую книгу на английском языке – «От свободы к Брест-Литовску».

С еженедельной газетой партии эсеров «Дни» [63], печатавшейся сначала в Берлине, а затем в Париже (1922-1928), ставшей потом двухнедельным журналом (1931-1933), активно сотрудничала публицист и политический деятель Е.Д. Кускова.

В популярной газете эсеровской ориентации «Свобода», издававшейся в Варшаве в 1920 г. (с 1921 г. «За свободу!»), стоявшей на антисоветских позициях, работала наряду с Б. Савинковым, Д. Мережковским и З. Гиппиус.

Показательно, что в период с 1917 по 1939 гг. печатное слово на русском языке делает в эмиграции не только количественный, но и качественный рывок: если с 1855 по 1917 гг. в Европе печаталось 287 русских газет и журналов, то с 1917 по 1968 гг. в свет выходило уже 3182 издания [64]. Вместе с тем отношение властей стран-реципиентов, в которых проживали беженцы из России, к печатному слову на русском языке часто зависело от характера их дипломатических отношений, экономических и культурных связей с РСФСР, а затем с СССР. «Положение русских эмигрантов в Англии, - пишет О.А. Казнина, зависело от взлетов и падений в политических взаимоотношениях Англии и России» [65]. И.В. Гессен особо отмечал, что признание рядом европейских стран СССР сказывалось на положении русских эмигрантов. Так, «в Париже редактору русской газеты категорически было

предложено усмирить нападки на Москву». [66] По мнению же М. Раева, и «издательское дело в эмиграции испытывало трудности в связи с ограничениями, которые вводились национальными и авторитарными режимами стран проживания» [67].

Строго говоря, развитие русской эмигрантской литературной журналистики 1917-1939 гг. было обусловлено целым рядом факторов. Во-первых, русский язык оказался главной составляющей принадлежности к покинутой Родине в ситуации национального «рассеяния». Во-вторых, регулярное издание газет, журналов и книг на родном для эмигрантов языке стало практически единственным действенным способом сохранения и передачи русских культурных традиций. В-третьих, печатное слово на русском языке, обширная литературная, публицистическая и издательская деятельность эмигрантов являлись важнейшим условием сохранения национальной идентичности [68].

Значимость печатного слова в изгнании быстро и четко обозначила все приоритетные направления интеллектуальной деятельности российских эмигрантов в сфере журналистики. Свое место здесь нашли и женщины русского зарубежья 1917-1939 гг. Это были журналистки Вера Александрова, Татьяна Алексинская, Татьяна Варшер, Августа Даманская, Софья Таубе, Ариадна Тыркова-Вильямс, Надежда Тэффи, Ольга Чернова-Колбасина и др. [69] Оказавшись в эмиграции, женщины-беженки менее эмоционально, чем мужчины воспринимали изменение своего социального статуса. Они не только проще преодолевали языковой барьер, но и значительно легче психологически и социально адаптировались, были более предприимчивы и успешны, что объясняется спецификой их ценностных гендерных приоритетов. Достаточно часто стремление многих россиянок к самореализации в условиях эмиграции диктовалось их заботой о судьбе своей семьи, близких и детей. Подобная поведенческая психология женщин русского зарубежья 1917 - 1939 гг. , определявшая способы их личностного восприятия эмигрантской действительности, существенным образом влияла на формирование определенных адаптационных норм поведения.

Одной из профессий у русских эмигранток в 1920-1940-е гг. стало занятие журналистикой и литературным творчеством [70]. Так в условиях эмиграции журналистика, считавшаяся всегда мужской профессией, стала доступна женщинам. Выбор подобного рода деятельности в эмиграции был возможен в силу ряда причин. Во-первых, многие эмигрантки из России были весьма хорошо образованы и имели высокий интеллектуальный потенциал. Во-вторых, у некоторых из них уже был определенный опыт журналистской и литературной деятельности. Достаточно известными писателями и публицистами в эмиграцию уехали М.И. Цветаева, З.Н. Гиппиус, Н.А. Тэффи, А.В. Тыркова-Вильямс и др. В-третьих, это была реальная возможность трудоустройства и самореализации в сложных условиях эмиграции. И

наконец, занятие журналистикой и литературным творчеством являлось непосредственным источником доходов для многих из них [71]. Наглядным примером важности материального фактора в литературной деятельности может служить письмо Д.С. Мережковского, опубликованное в газете «Последние новости», в котором он резко критиковал издателя З.И. Гржебина, называя его «литературным паразитом». Мережковский писал: «Цену дает не очень большую. Ремизову за его произведение внес мешок мерзлого картофеля. Гиппиус получила, тоже оптом, 20 тыс. рублей. Мережковский за избранные сочинения – такую сумму, которая в переводе составила 50 франков...» [72]. Продолжая критику издателя Гржебина, З.И. Гиппиус неоднократно отмечала, что он вел себя крайне непорядочно, покупая по низким ценам права на издания сочинений у бедствующих писателей-эмигрантов: «Он скупает всех писателей с именами, - скупает «впрок», - ведь теперь нельзя издавать. На случай переворота – вся русская литература в его руках, по договорам, на многие лета, - и как выгодно приобретенная! Буквально, буквально несколько кусков хлеба! Ни один издатель при мне и со мной так бесстыдно не торговался, как Гржебин. <...> Стыдно сказать, за сколько он покупал меня и Мережковского. Стыдно не нам, конечно. Люди с петлей на шее уже таких вещей не стыдятся». [73]

Таким образом, сложный процесс социальной адаптации и трудоустройства российских беженцев, выпавших из своей сословной и профессиональной группы, являлся в условиях эмиграции по сути попыткой поиска важного компромисса в совмещении двух разных линий поведения – новых правил и старых традиций. Оказавшись в эмиграции, русские женщины в большей степени, чем мужчины, стремились не только выжить, но и не утратить свои исторические корни, православную веру и русский язык. Они верили в возможность воссоздания разорванных духовных связей с их исторической родиной. Именно поэтому задача сохранения традиций культурной идентичности и национальных ментальных ценностей со временем переросла в миссию русской эмиграции, в выполнении которой важную роль играли и женщины русского зарубежья. [74] На собрании русских эмигрантов в Париже в 1924 г. И.А. Бунин сказал: «Наша цель – твердо сказать: поднимите голову! Миссия, именно миссия, тяжкая, но и высокая, возложена судьбой на нас...».[75] При этом саму миссию литературной журналистики («в изгнании») русские эмигранты понимали по-разному, строго признавая «принцип свободы творчества как противостояния силам порабощения». Литераторы, журналисты, поэты и писатели русского зарубежья 1917 - 1939 гг. позиционировали родной для них язык, как своё национальное достояние, которое им следует сохранить в условиях эмиграции. В 1926 г. парижский журнал «Борьба за Россию» писал: «Мы хотим протянуть нить, которая бы связывала нас с Россией, и питаться жизненными соками родной земли...» [76]. Задача бережного отношения к национальному

наследию исчезнувшей старой России в эмиграции со временем смогла перерасти в некую культурную миссию русского зарубежья. И именно женщины - эмигрантки 1917 - 1939 гг. представленные, в основном, образованной и интеллигентной частью российского общества, занимавшиеся литературной журналистикой и издательской деятельностью как профессией, внесли свой неоспоримый вклад в дело сохранения традиций русского печатного слова и складывания коммуникативного пространства «России в изгнании». Тем самым, они не только выполнили свою социальную миссию в эмиграции, но и сделали литературную журналистику и издательскую деятельность русского зарубежья 1917-1939 гг. частью национальной культуры России XX в., сохранивших её менталитет и яркую идентичность.

1. Раев М. Россия за рубежом: история культуры русской эмиграции. 1919-1939. М., 1994. С. 94.

2. См.: Ковалевский П.Е. Зарубежная Россия: История и культурно-просветительская работа русского зарубежья за полвека (1920-1970). Париж, 1971. С. 309.

3. См.: Бочарова З.С. Эмигрантская периодика 1920-1970-х гг. о правовом положении русских беженцев // Периодическая печать российской эмиграции. 1920-2000. Сб. статей. М. 2009. С. 158.

4. См.: Журналистика русского зарубежья XIX – XX веков. Учебное пособие. СПб., 2003. С. 175.

5. Назаров М.М. Миссия русской эмиграции. М., 1994. С. 34.

6. См. : Струве Г.П. Русская литература в изгнании: опыт исторического обзора зарубежной литературы. М. 1996.

7. См. более подробно: Журналистика русского зарубежья XIX – XX веков. Учебное пособие. СПб., 2003. С. 177.

8. См.: Базанов П.Н. Издательская деятельность политических организаций русской эмиграции (1917-1988 гг.). СПб., 2004. С. 113.

9. Раев М. Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции. 1919-1939. М., 1994. С. 116.

10. Кускова (урожд. Есипова) Екатерина Дмитриевна (1869-1958), политический деятель, социолог, публицист, жена С.Н. Прокоповича; в эмиграции с 1922 г.

11. Цветаева Марина Ивановна (1922-1941), поэт, прозаик, жена С.Я. Эфрона; в эмиграции с 1922 г.

12. Гиппиус Зинаида Николаевна (псевд., Антон Крайний) (1869-1945), поэт, прозаик, литературный критик, жена Д.С. Мережковского; в эмиграции с 1920 г.

13. Федорченко Софья Захаровна (1888-1959), писательница.

14. Какурина М.В . Российская эмиграция в культурной жизни Германии в 1920-1933 гг. (живопись и театр). М. 2004. С. 26.
15. Тэффи (псевд., наст.фам. Бучинская, урожд. Лохвицкая) Надежда Александровна (1872-1952), прозаик, поэт, журналист; в эмиграции с 1919 г.
16. Левитан И . Русские издательства 1920-х годов в Берлине // Книга о русском еврействе. 1917-1967. Нью-Йорк. 1968. С. 449.
17. Александрова (псевд., урожд. Мордвинова, по мужу Шварц) Вера Александровна (1895-1966), литературовед, журналист; в эмиграции с 1922 г.
18. См. более подробно: Ненароков А.П. Социал-демократическая эмигрантская печать 1920-1960-х гг. // Периодическая печать российской эмиграции. 1920-2000. Сб. статей. М., 2009. С. 5-16.
19. Емельянов Ю.Н. «Русский Берлин» (Издательские центры в 20-30-х гг.) // Культурное наследие российской эмиграции: 1917-1940. В 2-х книгах. Книга первая. М., 1994. С. 51.
20. Volkman H.- E. Die russische Emigration in Deutschland. 1919-1929. Würzburg. 1966. P. 122.
21. См.: Каталог книг, вышедших вне России. Берлин, 1924.
22. Левитан И. Русские издательства 1920-х гг. в Берлине // Книга о русском еврействе. 1917-1967. Нью-Йорк, 1968. Эти сведения сообщил Р. Гулю берлинский издатель «Петрополиса» А.С. Каган, (Новый журнал. 1979, № 134. С. 111).
23. Русская книга. 1921. № 2. С. 15.
24. Гессен И.В. Годы изгнания: Жизненный отчет. Париж, 1979. С. 22-23.
25. См.: Руль. 1921, 23 января.
26. См.: Зайцев Б.К. Голубая звезда: Повести и рассказы. Из воспоминания. М. 1989. С. 27.
27. См.: Баркова О.Н. Женщины - издатели русского зарубежья 1917 - 1939 гг. // КЛИО. 2014. N 8 (92). С. 35 - 36.
28. Гуль Р. Я унес Россию.
29. Новый журнал. 1979. № 134. С. 120.
30. Русская книга. Берлин. 1921. С. 6.
31. РГАЛИ, Ф. 941. Оп. 1, Д. 25, Л. 4.
32. Данное издательство не следует считать типично эмигрантским, поскольку его деятельность была ориентирована на потребности книжного рынка Советской России.
33. См. более подробно: Каталог издательства И.П. Ладыжникова. Берлин, 1924. С. 15.

34. Последние новости. Париж, 1924. № 1142. С. 3.
35. ГАРФ. Ф. Р-5882. Оп. 1. Д. 6. Л. 4.
36. См.: Гесен И.В. Указ. соч. С. 139
37. Динерштейн Е.А. Советская власть и эмигрантская печать (20-е годы) // Книга: Исследования и материалы. М., 2001. С. 197.
38. См. : Парчевский К.К. По русским углам. М., 2002. С. 57.
39. См. более подробно: Журналистика русского зарубежья XIX – XX веков. Учебное пособие. СПб., 2003. С. 203-206.
40. Среди коллекционеров. 1923. № 6. С. 41.
41. См.: Кудрявцева В.Ю. Деятельность Дома искусств в Берлине (1921-1923) // Культурное наследие... Книга вторая. С. 448.
42. Струве Г. Русская литература в изгнании. Париж; М., 1996. С. 117.
43. См.: Пивовар Е.И. Российское зарубежье: социально-исторический феномен, роль и место в культурно-историческом наследии. М., 2008. С. 255.
44. Петрицкий В.А. XX век: две России – одна культура // Сборник научных трудов по материалам XIV международной конференции «Смирдинские чтения». СПб., 2006. С. 18.
45. Кишкин Л.С. И. Савицкий. Судьбоносные встречи. Чехи в России и русские в Чехии. 1914-1918 // Славяноведение. 2001. № 4. С. 112.
46. Берберова Н.Н. Железная женщина. Документальный роман. М., 1991. С. 970.
47. См. : Андреев Н. О русской литературной Праге // Русский альманах. Париж. 1981.
48. Чегринцева (урожд. Цегоева) Эмилия Кирилловна (1904-1989), русская поэтесса; в эмиграции с 1920-х гг.
49. Берберова Н.Н. Курсив мой // Октябрь. 1988. № 11. С. 170.
50. Е.Д. Кускова была также одним из создателей и авторов журнала «Новый град» (Париж, 1931-1938).
51. См.: Ковалев М.В. Русские историки-эмигранты в Праге (1920-1940 гг.). Саратов, 2012. С. 125-231.
52. Струве Г. Указ. соч. С. 29-32.
53. Кузнецова (по мужу Петрова) Галина Николаевна (1900-1976), поэтесса, писательница, мемуаристка, гражданская жена И.А. Бунина.
54. Берберова Нина Николаевна (1901-1993), поэт, прозаик, переводчик, литературный критик, жена В.Ф. Ходасевича; в эмиграции с 1922 г.
55. См. более подробно: Кулагин Г.М., Бочарова З.С. Идейно-политические аспекты возвращенчества (20-е годы) // Культурное наследие... Книга первая. С. 44-47

56. АВП РФ .Ф. 0132. Оп. 6. П. 129. Д. 260. Л. 69.

57. См.: Раев М. Указ. соч. С. 109; Государственные деятели России XIX – начала XX века. Биограф. справочник. М., 1995. С. 88-89.

58. См.: Берберова Н.Н. Курсив мой. С. 195.

59. Тэффи Н.А. Собрание сочинений. В 3 т. Том I. СПб., 1999. С. 15.

60. Достаточно подробно литературная и журналистская деятельность Надежды Тэффи освещена Н.В. Рыбинской «Н.А. Тэффи – публицист газеты «Последние новости» (1920-1940 гг.): Дис. ...канд. филол. наук. М., 2005.

61. См.: Русское Зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века. Энциклопедический биографический словарь. М., 1997. С. 638.

62. Тыркова-Вильямс (урожд. Тыркова, в первом замужестве Борман) Ариадна Владимировна (1869-1962), писатель, публицист, общественный деятель, журналист; в эмиграции с 1918 г.

63. Полагают, что газета выпускалась А.Ф. Керенским на деньги, которые он сумел перевести за границу будучи главой Временного правительства.

64. См.: Жирков Г.В. Культура и журналистика русского зарубежья 20-40-х гг. // Зарубежная Россия. 1917-1939 гг.: Сб. статей. С. 246.

65. Казнина О.А. Русские в Англии. М. 1997. С. 13.

66. Гессен И.В. Годы изгнаний: Жизненный отчет. Париж, 1972. С. 209.

67. Раев М. Указ. соч. С. 99.

68. Баркова О.Н. Женщины-журналистки русского зарубежья. 1917-1939 гг. // Сборник материалов международной научно-практической конференции «Журналистика в 2012 году: социальная миссия и профессия». М., 2013. С. 380-381.

69. Алексинская (урожд. Евтихиева) Татьяна Ивановна (1886-1968), писатель, журналист, жена Г.А. Алексинского; в эмиграции с 1918 г. Варшер Татьяна Сергеевна (1880-160), историк, журналист; в эмиграции с 1922 г. Даманская Августа (Августина) Филипповна (1875, по др. ист. 1877-1959), прозаик, журналист, переводчик; в эмиграции с 1920 г. Таубе-Аничкова (наст.фам. Таубе) Софья Ивановна (1888-1957), баронесса, писатель, журналист; в эмиграции с 1926 г. Чернова-Колбасина (Колбасина-Чернова, урожд. Колбасина) Ольга Елисеевна (1886-1964), литератор, журналист; в эмиграции с 1920 г.

70. См.: Эфендиева Г.В. Художественное творчество женщин в литературном процессе Русского Китая // Русский Харбин, запечатленный в слове: Сб. научных работ. Благовещенск, 2006. Вып. 1. С. 7

71. Баркова О.Н. Печатное слово в эмиграции и женщины русского зарубежья «первой послереволюционной волны» 1917-1939 гг. // История отечественных СМИ. Отечественная журналистика как единый историко-публицистический процесс. Ежегодник – 2012. М. 2013. С. 155.

72. Цит. по: Ипполитов С.С. Российская эмиграция и Европа: несостоявшийся альянс. М. 2004. С. 292.

73. Мережковский Д.С., Гиппиус З.Н., Философов Д.В. и Злобин В.А. Царство Антихриста. Мюнхен. 1921. Цит. по: Неизвестный Горький. Вып. 3. – Горький и его эпоха. Материалы и исследования. М. 1981. С. 60.

74. См. более подробно: Баркова О.Н. Женщины русского зарубежья (1917-1939 гг.): сохранение национально-культурной идентичности // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2012. № 5. С. 108-127.

75. Бунин И.А. Миссия русской эмиграции // Слово. 1990. №10. С. 67.

76. Борьба за Россию. 1926. 27 ноября.